

Стоило только заговорить о погоде, как она тут же дала о себе знать. Всего пару дней назад они гадали, когда же наконец пойдёт дождь, а сегодня с неба уже лило как из ведра.

Нин Гуйчжу стоял под навесом у дома и смотрел, как крупные капли разбиваются о землю. Он сказал стоявшей рядом Ван Чуньхуа:

— Невестка, похоже, тебе придётся подождать, пока дождь закончится. Кажется, зонта у нас дома нет.

Ван Чуньхуа пришла принести деньги. Поначалу она думала накопить один лян и сразу отнести его Нин Гуйчжу. Потом накопила полтора лян и решила ещё немного подождать, а сегодня пересчитала и обнаружила, что сумма уже перевалила за два лян, поэтому поспешила принести серебро, чтобы не затягивать ещё дольше.

Допив воду, Ван Чуньхуа сказала:

— Ничего страшного, я надену доули и так вернусь.

До женитьбы Сюн Цзиньчжоу даже ночевать домой возвращался лишь изредка, поэтому Ван Чуньхуа прекрасно знала, где лежат вещи, которыми обычно пользовались в доме. Нин Гуйчжу последовал за ней в деревянной сарай и только там заметил, что на одной из полениц лежали доули и соломенный дождевик.

Увидев, что Ван Чуньхуа взяла только доули, Нин Гуйчжу поспешно сказал:

— Невестка, надень ещё и дождевик. Ливень слишком сильный, один доули не спасёт. Если промокнешь, легко простудиться.

Нин Гуйчжу уже овладел лучшим способом уговаривать домашних: стоило связать что-либо с болезнью, и в большинстве случаев они соглашались его послушать. Так вышло и сейчас. Ван Чуньхуа надела соломенный дождевик, нахлобучила доули и вышла под дождь. Но едва она распахнула ворота переднего двора, как нос к носу столкнулась с маленьким ребёнком.

Ван Чуньхуа на мгновение замерла, затем поспешно отступила в сторону:

— К Чжу-геру пришёл? Скорее заходи.

— Спасибо, тётушка.

Аньхэ невнятно поблагодарил её и бросился во двор.

Нин Гуйчжу проводил Ван Чуньхуа взглядом и уже собирался вернуться в спальню, когда краем глаза заметил метнувшуюся внутрь фигуру. Он остановился, всмотрелся и смутно различил, что это Аньхэ. На нём был только доули, без соломенного дождевика, а рукава и штанины заметно промокли. Нин Гуйчжу тут же взял сухое полотенце из грубой ткани и, когда ребёнок добежал до навеса, снял с него доули и принялся вытирать дождевую воду с лица и рук.

— Почему ты так спешил?

Аньхэ провёл ладонью по лицу и сказал:

— Сегодня утром я накопал очень много корней марены, но только успел очистить их от земли, как начался дождь. Бабушка велела спросить: можно ли отнести эти корни в уезд и продать прямо так?

На его лице отчётливо читалось беспокойство: он боялся, что дождь испортит корни марены.

— Летние дожди долго не идут, не волнуйся, — Нин Гуйчжу смягчил голос. — Занесите корни в дом и разложите, чтобы ветер подсушил влагу на поверхности. Когда дождь закончится, сможете либо продолжить сушить их на солнце, либо сразу отнести в уезд на продажу.

Получив от него утвердительный ответ, Аньхэ с облегчением выдохнул, и на лице появилась улыбка.

— Спасибо, дядюшка! Тогда я пойду домой!

— Эй, подожди, пока дождь закончится.

Аньхэ покачал головой:

— Бабушка дома меня ждёт. Я быстро добежу обратно, ничего не случится.

Нин Гуйчжу хотел было ещё что-то сказать, но увидел, что Аньхэ уже снова надел доули, и ему оставалось лишь напомнить:

— Когда доберёшься домой, обязательно сними мокрую одежду и вытрись насухо. Имбирь у вас есть?

— Есть!

— Раз имбирь есть, нарежь немного тонкой соломкой, свари в воде и выпей горячим. Это

поможет прогнать холод и не заболеть.

— Хорошо, я запомню!

Ребёнок бросился к воротам. Деревянная створка с силой распахнулась и тут же быстро захлопнулась. Убежавший ребёнок оставил тревоги старшего позади. Аньхэ всю дорогу мчался домой, под узким навесом снял доули, стряхнул с него дождевую воду и нетерпеливо сообщил старухе:

— Дядюшка сказал, что достаточно просто разложить их пореже.

Услышав это, старуха с облегчением выдохнула и, взяв ребёнка за руку, повела внутрь.

— Снимай одежду, выжми воду и потом снова надень.

Аньхэ проворно принялся раздеваться и попутно пересказал всё, что перед уходом наказал ему Нин Гуйчжу. Старуха тут же сказала:

— Сейчас поставлю вариться.

— Хорошо.

Раздевшись, Аньхэ взял маленькую тряпицу, смочил её дождевой водой и принялся тщательно обтирать тело.

Увидев это, старуха поднялась, подошла и закрыла соломенную дверь, одновременно ворча:

— Сколько раз тебе говорила: прежде чем раздеваться, сначала закрывай дверь. Сейчас ты ещё маленький, ничего страшного, но когда вырастешь, тебя обязательно кто-нибудь увидит.

Аньхэ слышал это уже множество раз и потому не принял слова близко к сердцу.

— Когда вырасту, тогда и не буду раздеваться. А сейчас ведь ничего страшного.

— Если сейчас не привыкнешь, то, когда меня не станет, кто потом будет тебе напоминать?

Аньхэ не любил слышать подобные слова, но понимал, что бабушка говорит это ради него. Некоторое время он сердито дулся про себя, а затем быстро сменил тему:

— Бабушка, у меня ведь есть ещё одни штаны?

— Есть, — старуха и правда перестала продолжать прежний разговор. — Сейчас поищу.

Одежды у бабушки с внуком было совсем немного. Сложенные вещи лежали у края кровати, и даже вместе с зимней одеждой набиралась лишь маленькая стопка. Шершавые пальцы старухи перебрали её, и вскоре она нашла вторые штаны Аньхэ.

Эти нижние штаны были перешиты из старой одежды бабушки и покрыты множеством заплат. Аньхэ принял их из её рук, надела, затянул по бокам матерчатые завязки и побежал в угол, где были сложены корни марены. Подхватив их, он разложил всё по земле тонким слоем.

Старуха привела в порядок одежду на кровати, подошла к нему и вместе с внуком тщательно разложила корни марены. Вообще-то летом даже в дождь было не холодно, но соломенная хижина почти не защищала от ветра, а старуха и ребёнок были слабы здоровьем. Закончив с корнями марены, бабушка с внуком уселись возле очага греться у огня. Когда из котла потянулся запах имбирного отвара, они стали пить его маленькими глотками из одной чашки.

Острый имбирный отвар согревал среди ветра и дождя. Две души, жившие лишь друг для друга, прижались бок о бок, и старческий и детский голоса переплелись, напевая когда-то случайно услышанную мелодию.

.

Дождь всё не прекращался. Нин Гуйчжу посмотрел на детей, которые то дразнили кошек, то играли с собаками у дома, и сказал:

— Если дождь так и не закончится, поедите у учителя, а вечером поспите вместе со мной. Как вам?

— Хорошо, хорошо! — беззаботный Сюн Чуаньшуй тут же согласился.

Сюн Цзиньбо машинально посмотрел на младшую сестру. Увидев, как Иньинь в нерешительности тербит пальцы, он сказал:

— Сестрёнка ещё ни разу не спала отдельно от мамы. Точно всё будет хорошо?

Трёхлетнюю Сюн Иньинь лишь недавно начали понемногу приучать спать отдельно. Взрослые дома время от времени заговаривали и о том, что братьям тоже пора спать порознь. Сюн Цзиньбо слышал это достаточно часто, поэтому теперь немного беспокоился, что ночью Иньинь расплачется.

Нин Гуйчжу никогда не растил детей, поэтому, услышав это, на мгновение растерялся и лишь потом понял, что имеет в виду Сюн Цзиньбо. Немного подумав, он взял Сюн Иньинь за руку и мягко сказал:

— Иньинь и братья ещё маленькие, вам нехорошо возвращаться под дождём. Давай сегодня сначала попробуем остаться здесь, а если вечером тебе очень захочется домой, учитель придумает, как тебя проводить. Хорошо?

Стоило взрослому заговорить с ней таким мягким и ласковым голосом, как ребёнку сразу захотелось плакать. Сюн Иньинь шмыгнула носом и глухо ответила:

— Хорошо.

Получив её согласие, Нин Гуйчжу ласково уговорил девочку пойти поиграть с братьями.

Когда рядом были котята и собаки, детское внимание переключалось очень быстро. Нин Гуйчжу закатал рукава и принялся заканчивать кроличью клетку, над которой работал.

Бамбук Сюн Цзиньчжоу понемногу рубил и приносил домой последние два дня, а Нин Гуйчжу весь распустил на бамбуковые полосы и использовал для плетения кроличьих клеток. Клетка, которую он сделал сегодня, была сравнительно небольшой, всего в три яруса. Он надеялся, что так кроликам будет труднее её разрушить.

Нин Гуйчжу как раз закончил последние приготовления, когда вернулся Сюн Цзиньчжоу. Держа над собой зонт, он распахнул обе створки ворот переднего двора и лишь после этого вошёл внутрь. В руке у него был большой кусок свиного нутряного жира.

Закрыв ворота, Сюн Цзиньчжоу вошёл под крышу, откликнулся на приветственные возгласы детей и спросил Нин Гуйчжу:

— Дождь начался так внезапно. Ты не промок?

Утром перед уходом Нин Гуйчжу вместе с ним вывесил на улицу одежду и постельные принадлежности, сказав, что после солнца ими будет приятнее пользоваться.

— Нет, — ответил Нин Гуйчжу. — Я заметил, что тучи стали слишком тяжёлыми, и заранее убрал постель. После этого прошло ещё некоторое время, и только потом начался дождь.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу успокоился и кивнул, сложил зонт и поставил его у стены, после чего спросил:

— Свиной жир сейчас будем готовить? Если да, я заодно его вымою.

— Будем, — Нин Гуйчжу поднялся и добавил: — Я сам им займусь. Новая клетка для кроликов уже готова, сходи назад и посмотри, не пора ли их пересадить.

Неизвестно, то ли у диких кроликов зубы были особенно острыми, то ли эти мелкие создания и правда были настолько искусны, но кроличьи клетки в их доме приходилось менять раз в два дня. Хорошо ещё, что Нин Гуйчжу умел плести их сам, иначе неизвестно, сколько денег пришлось бы на них потратить.

Сюн Цзиньчжоу отозвался и, подняв с земли клетку, отправился на задний двор. Обычно кроличьи клетки стояли во дворе, но с началом дождя Нин Гуйчжу перенёс их под навес и поставил рядом с собачьей конурой. Четыре крольчонка сбились в кучку и жевали принесённую людьми свежую траву, совершенно не обращая внимания на приближение Сюн Цзиньчжоу. Два взрослых кролика, напротив, настороженно подобрались и уставились на человека с таким видом, словно в любую секунду были готовы броситься наутёк.

Шесть кроликов были рассажены по трём клеткам: каждый из двух взрослых жил отдельно, а четверых маленьких держали вместе. Сюн Цзиньчжоу присел на корточки и тщательно осмотрел все три клетки.

С последней замены прошло полтора дня. Клетка крольчат сохранилась ещё довольно хорошо, а вот каждому из двух взрослых до успешного побега оставался буквально один шаг.

Сюн Цзиньчжоу принялся за дело: пересадил взрослых кроликов в новые клетки, набрал дождевой воды в полые бамбуковые коленца и поставил по одному в угол каждой из трёх клеток, а затем напихал внутрь немного свежескошенной дикой травы.

Оставшуюся пустую клетку он пока поставил рядом, после чего встал под навесом и оглядел загон. Куры все забились в клетку, втянув головы и сидя неподвижно, а подросшие утята расхаживали по загону, время от времени расправляли крылья навстречу дождю, потом стряхивали капли и, склонив головы набок, принимались чистить перья.

— Сыси-и-и-и!

Мимо ног Сюн Цзиньчжоу метнулась какая-то тень, а следом с весёлым криком промчался ребёнок. Сюн Цзиньчжоу протянул руку и ухватил Сюн Чуаньшуй за ворот.

— Осторожнее, ещё выскочишь под дождь.

Сюн Чуаньшуй был вынужден резко затормозить и, недовольно вытянув шею, спросил:

— Младший дядя, ты видел, куда убежала Сыси?

Сюн Цзиньчжоу поднял взгляд на верхнюю часть сарая для мула. На отделённой полке, где хранили сухую траву, котёнок как раз тревожно выглядывал наружу. Он спокойно отвёл глаза и сказал:

— Не разглядел. Может, в собачьей конуре. Поищи там.

— А-а, — Сюн Чуаньшуй ни капли не усомнился, слегка дёрнулся, пытаясь вырваться. — Младший дядя, отпусти скорее, я пойду искать кота.

Сюн Цзиньчжоу разжал руку, прошёл через главный зал и направился на кухню.

Нин Гуйчжу уже успел нарезать свиной нутряной жир. Увидев, что Сюн Цзиньчжоу вошёл, он между делом спросил:

— Ну как там?

— Две клетки испортили. А эти несколько маленьких кроликов довольно послушные, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу кивнул, переложил нарезанный жир в котёл и всыпал в воду половину ложки соли.

— Можно разводить огонь.

Сюн Цзиньчжоу разжёг огонь, подложил немного сухих бамбуковых обрезков, а затем тонких веточек. Пламя постепенно разгорелось. Нин Гуйчжу стоял у котла и следил за вытапливающимся жиром. Когда вода только закипела, кусочки свиного жира оставались в основном белыми, но по мере постоянного перемешивания влага испарялась, а вытопившийся жир становился всё прозрачнее. На этом этапе уже можно было немного отвлечься и заняться чем-нибудь ещё.

Нин Гуйчжу достал домашний порошок из сушёного перца и спросил Сюн Цзиньчжоу:

— Весь пустим на острое масло или немного оставим для жарки?

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Наверное, можно не оставлять. У нас ведь ещё есть целые сушёные перцы, да и на грядках свежие уже выросли.

Перец, который рос у них дома, был острым, а когда переставал быть совсем молодым и зелёным, становился особенно жгучим.

— Тоже верно.

Нин Гуйчжу вспомнил об этом и просто вынес целую банку с молотым перцем, поставил её на длинный стол у окна рядом с очагом и ложкой хорошенько перемешал содержимое. Постепенно из кухни поплыл аромат шкварок, а сплошная завеса дождя будто заперла его внутри дома. Дети снаружи, а вместе с ними кошки и собаки, тут же подтянулись к кухне и выстроились у порога, один за другим выглядывая внутрь и жадно наблюдая.

Увидев это, Сюн Цзиньчжоу тихо цокнул языком:

— Ну и вид у вас, будто ничего в жизни не видели.

Сюн Чуаньшуй серьёзно спросил:

— А если много чего в жизни увидеть, тогда можно получить на два кусочка шкварок больше?

Если да, то он вполне мог бы постараться.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...

Нин Гуйчжу не удержался и рассмеялся. Были они перспективными или нет - дома ко всем относились одинаково.

Когда шкварки были готовы, Нин Гуйчжу вычерпал их и отложил в сторону, чтобы стекал жир, затем достал пять чашек, наполнил их шкварками и спросил:

— Посолить?

— Да!

Все трое ответили в один голос.

Нин Гуйчжу взял баночку с солью и посыпал понемногу каждую чашку со шкварками. Раздав детям их порции, он сам бросил один кусочек в рот. Шкварки только что достали из котла и дали им остыть совсем немного, поэтому внутри они всё ещё были обжигаяще горячими. Хрустящие, насыщенные ароматом свиного жира, с лёгкой солоноватостью на поверхности, в этот обычный дождливый день они казались особенно вкусными.

Нин Гуйчжу поднёс один кусочек ко рту Сюн Цзиньчжоу. Тот наклонил голову, подхватил его зубами и, пережёвывая хрустящую ароматную шкварку, весь словно излучал довольство и расслабленность. На разделочной доске лежали нарезанные кусочки шкварок. Ветер обдувал

их, унося обжигающий жар, и жадно ожидавшие кошки с собаками наконец дождались своей доли лакомства.

Продолжая есть шкварки, Нин Гуйчжу зачерпнул ложку горячего жира и стал медленно вливать его в молотый перец, а Сюн Цзиньчжоу в это время палочками перемешивал содержимое банки. Тут же поплыл густой аромат перца. Те места, которых коснулся раскалённый жир, стали ярко-красными и блестящими - уже по одному виду можно было представить, насколько это будет вкусно.

Горячий жир добавляли понемногу, в несколько приёмов. Когда весь молотый перец в банке оказался ошпарен маслом, Нин Гуйчжу временно отложил ложку.

— Подождём, пока масло немного остынет, и тогда добавим ещё.

Всё-таки ёмкость была глиняной. Пока молотый перец служил прослойкой, понемногу вливать горячий жир ещё можно было, но если сразу налить слишком много, банка легко могла треснуть от жара.

Сюн Цзиньчжоу негромко отозвался, взял чашку со шкварками, сунул один кусочек Нин Гуйчжу в рот и лишь потом взял себе. Снаружи поднялся ветер. Отдельные капли дождя срывало в сторону, и вместе с прохладой они залетали на кухню. За шумом дождя слышался лишь хруст раскусываемых шкварок.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу не спеша доделали острое масло и теперь сидели у стола с чашками, наслаждаясь едой, когда в кухню прибежали дети с совершенно пустыми чашками в руках.

— Ещё хотите? Учитель вам положит, — Нин Гуйчжу уже начал вставать.

— ...Не надо, — нестройно ответили трое.

Им, конечно, всё ещё хотелось, но за годы взросления у них уже выработалась почти инстинктивная привычка беречь мясную пищу.

— Остальное учитель сможет потом использовать для готовки.

Нин Гуйчжу с улыбкой потрепал их по головам.

— Ну хорошо. Тогда вечером, когда будем ужинать, приготовим с ними что-нибудь.

— Угу-угу-угу!

Услышав это, трое тут же преисполнились ожидания вечерней еды, поставили чашки и радостно выбежали из кухни.

Жир в котле постепенно остывал. Нин Гуйчжу долил ещё довольно много в банку с острым маслом, полностью покрыв молотый перец, затем закупорил её деревянной пробкой и отставил в сторону. После этого он достал заранее вымытую чистую банку и бросил туда соевые бобы и горошины сычуаньского перца.

Сюн Цзиньчжоу с любопытством спросил:

— А это зачем?

Нин Гуйчжу ответил:

— Слышал, что если положить в банку немного такого, свиной жир будет храниться дольше.

От вытопленного в прошлый раз жира ещё кое-что оставалось. Если не использовать его для чего-нибудь особенного, а просто понемногу брать для повседневной жарки, его хватило бы ещё на месяц-другой. А если учитывать масло, в котором хранился ферментированный тофу, то запасов хватило бы ещё дольше.

Когда весь жир из котла перелили в банку, Нин Гуйчжу посмотрел на блестящее, ещё покрытое масляным слоем дно и предложил:

— Может, сегодня напечём лепёшек?

— Давай. А что приготовим к ним? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу задумчиво протянул:

— М-м... сделаем чашку жареного вяленого мяса. Ты сорви несколько огурцов и перцев, приготовим холодную закуску из огурцов и толчёный перец. Ах да, ещё зелёного лука и чесночных листьев возьми побольше.

Сюн Цзиньчжоу отозвался, взял корзину, вышел, прихватил зонт и отправился на задний двор за овощами. Нин Гуйчжу достал два яйца, разбил их в муку, добавил воды и размешал всё до густого теста, после чего всыпал соль по вкусу. Пока Сюн Цзиньчжоу собирал и мыл овощи, Нин Гуйчжу сначала отрезал кусок вяленого мяса, вымыл его, нарезал тонкими, почти просвечивающими ломтиками и быстро обжарил в котле, после чего выложил на тарелку.

Сюн Цзиньчжоу первым делом принёс вымытые листья лука и чеснока. Нин Гуйчжу мелко их нарезал, добавил в подготовленное тесто, хорошенько перемешал, проверил жар котла, затем

зачерпнул ложку теста и вылил внутрь. Взявшись за ручку котла, он медленно поворачивал его, чтобы тесто равномерно растеклось тонким слоем. Котёл был хорошо разогрет, поэтому лепёшка быстро схватилась. По кухне тут же разошёлся аромат яиц, смешанный с запахом зелёного лука и чеснока, мгновенно заполнивший всё вокруг.

Нин Гуйчжу поддел лопаткой края лепёшки, затем одним движением запястья легко перевернул её. Когда обе стороны стали золотистыми, он снял лепёшку и положил в стоявшую рядом чашку, после чего принялся за следующую. Тесто в руках Нин Гуйчжу словно слушалось каждого движения. Все лепёшки получались ровными, с красивой золотистой корочкой с обеих сторон, и, сложенные стопкой в чашке, уже одним видом возбуждали аппетит.

Сюн Цзиньчжоу без дела стоял рядом и смотрел, как у Нин Гуйчжу одна за другой появляются новые лепёшки, лишь время от времени подходя к очагу и подбрасывая немного топлива.

Увидев это, Нин Гуйчжу сказал:

— Иди вымой несколько веточек, нанижи на них перцы и запеки над огнём.

Сюн Цзиньчжоу отозвался, сходил в дровяной сарай, выбрал две подходящие ветки, в несколько движений содрал с них кору, заострил концы, затем проколол перцы посередине и уселся у очага. Постепенно поплыл аромат подпекающегося перца. Тем временем Нин Гуйчжу испёк всё оставшееся тесто, разбил огурцы плоской стороной ножа, нарезал кусочками, добавил соевый соус, выдержанный уксус и немного острого масла, всё перемешал и отставил в сторону.

— Чжу-гер, посмотри, перец уже достаточно запёкся? — позвал Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу взглянул:

— Ещё немного поддержи. Он должен стать мягким, чтобы потом его можно было растолочь, тогда будет вкуснее.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу перенёс готовые блюда на стол, в середину поставил стопку лепёшек, затем принёс чашку шкварок и ещё одну с ферментированным тофу. Он как раз собирался позвать детей ужинать, но едва вышел из кухни, как увидел, что Сюн Цзиньпин, в доули и соломенном дождевике, толкнул ворота и вошёл во двор. В руках он держал те самые доули и дождевик, в которых Ван Чуньхуа ушла днём, а позади него шёл Маньтоу, уставший после целого дня работы и уже сытый.

— Старший брат, — позвал Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньпин положил принесённые доули и дождевик под навес, жестом указал в сторону сарая для мула, сперва отвёл туда Маньтоу, а затем вернулся под крышу и сказал Нин Гуйчжу:

— Дождь слишком сильный. Я сначала унесу Иньинь, а потом вернусь за двумя старшими.

Сюн Иньинь была ещё маленькой и невысокой, поэтому её можно было взять на руки и донести домой почти не намочив. А вот двое оставшихся представляли собой уже задачу посложнее.

Услышав слова Сюн Цзиньпина, трое малышей разом повернулись к своему учителю. Нин Гуйчжу не подвёл их ожиданий и с улыбкой сказал:

— Я ужин готовил и на их долю, так что, старший брат, забрать их сейчас не получится. Если после еды дождь так и не прекратится, пусть останутся ночевать здесь.

— Это... — Сюн Цзиньпин замялся.

Дети ещё ни разу не ночевали вне дома. Даже когда их брали в гости к родне Ван Чуньхуа, из-за нехватки места после ужина всё равно возвращались в тот же день.

— Не волнуйся, старший брат, — сказал Нин Гуйчжу. — Если ночью они соскучатся по дому, мы с Цзиньчжоу подождём, пока дождь станет слабее, и отведём их.

Сюн Цзиньчжоу как раз вышел из кухни. Услышав это, он едва заметно дёрнул веком, но всё же поддержал:

— Брат, дети слабые, им нельзя так мотаться под дождём.

Выслушав, как супруги по очереди его уговаривают, Сюн Цзиньпин беспомощно покачал головой и улыбнулся:

— Ну и балуете же вы детей.

Раз они сами предложили, он больше не настаивал, лишь велел троим вести себя хорошо и снова шагнул под ливень.

Нин Гуйчжу не успел его остановить и пожаловался Сюн Цзиньчжоу:

— Так быстро ушёл. Я ещё хотел дать старшему брату несколько лепёшек с собой.

Сюн Цзиньчжоу поманил детей рукой, взял Нин Гуйчжу за руку и повёл обратно на кухню, говоря по дороге:

— Значит, не судьба ему сегодня их попробовать. В следующий раз. А сейчас сами поедим.

Нин Гуйчжу рассмеялся.

Толкушки с чашей для перца дома не было, поэтому он мелко-мелко порубил запечённые перцы, добавил соль и немного соевого соуса, перемешал и поставил на стол.

Двое взрослых сели друг напротив друга, а трое детей расположились лицом к окну. Только что снятые с огня лепёшки ещё дымились, были мягкими, упругими и ароматными. Даже без всякой начинки они были восхитительны уже с первого укуса. А ведь на столе стояло ещё и множество вкусных блюд. Дождевые капли отчётливо стучали по черепице, листьям и тяжёлой размокшей земле, сплетаясь в особенную мелодию. Ветер приносил прохладу, а тепло от еды делало ощущение сытости ещё приятнее. Когда ужин закончился, все пятеро, наевшись и напившись, один за другим зевнули.

Взрослые и дети вместе прибрали кухню, заодно накормили кошек и собак, а Маньтоу отнесли его неизменный вечерний грубый маньтоу.

Нин Гуйчжу широко потянулся, привалился к Сюн Цзиньчжоу и зевнул:

— Спать хочется.

В дождливую погоду сон всегда особенно сладок.

Сюн Цзиньчжоу поправил выбившиеся у него волосы, обнял и спросил:

— Может, так немного подремлешь?

Дети всё ещё были полны сил, поэтому кто-то должен был остаться снаружи и присматривать за ними, но и расставаться с Нин Гуйчжу Сюн Цзиньчжоу не хотелось.

— М-м... — Нин Гуйчжу подумал. — Тогда я лягу на бамбуковую кровать.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, прошёл вслед за ним пару шагов, потом развернулся, зашёл в спальню и вернулся с одеялом.

— Под одеялом спать будет удобнее.

Нин Гуйчжу подвинулся глубже, освобождая место для Сюн Цзиньчжоу. Тот сел, прислонившись к стене, наполовину обнял лежащего Нин Гуйчжу, время от времени поглядывал на детей, игравших с кошками и собаками, а под одеялом рассеянно перебирал

пальцы Нин Гуйчжу.

<http://bllate.org/book/14958/2193873>